

ОТЗЫВ

**официального оппонента
доктора исторических наук Д.В. Лисейцева
на диссертацию К.С. Худина**

«Документы Аптекарского приказа 1629–1672 гг. как исторический источник»

**на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования, представленную

в диссертационный совет Д. 24.1.042.01 при

ФГБУН Институт всеобщей истории Российской академии наук

История административной системы Московского государства – приказов XVI–XVII вв. – давно является одним из наиболее плодотворных направлений в отечественной историографии. Изучение государственных органов допетровской Руси чрезвычайно плодотворно и плане источниковедения, поскольку львиная доля сохранившихся материалов, по которым мы сегодня реконструируем историю тех столетий, были либо созданы в приказах, либо отложились в их архивах. В изучении делопроизводства многих приказов уже давно сложились целые школы и научные направления, но это, впрочем, совсем не означает, что сказать новое слово в данной области уже невозможно. Представленная к защите диссертация Кирилла Станиславовича Худина является убедительным доказательством того, что приказная система Московского государства таит в себе ещё немало нераскрытых тайн и, соответственно, сулит много интереснейших научных открытий и прорывов.

Темой своего диссертационного исследования Кирилл Станиславович Худин избрал документы Аптекарского приказа 1629–1672 гг. (не ограничившись, впрочем, одними лишь вопросами источниковедения и совсем не замыкаясь в обозначенных хронологических рамках). Аптекарский приказ упоминается в большинстве обобщающих исследований по истории приказной системы, посвящены ему и специальные исторические исследования (написанные, правда, в основном историками медицины, что и определило взгляд на

историю приказа под определённым углом: исследователи Аптекарского приказа не всегда могли вписать историю этого ведомства в общеисторический контекст, равно как не всегда им удавалось найти место этого учреждения в системе государственных органов Московского царства). Совершенно очевидно, что прорыв в изучении истории Аптекарского приказа был возможен лишь при условии существенного расширения доступной исследователю источниковой базы. И в этом отношении тема нашла себе в лице Кирилла Станиславовича идеального исполнителя – человека, давно, увлечённо и плодотворно работающего с документами приказного делопроизводства XVII столетия. Большая их часть отложилась в фондах Российского государственного архива древних актов, где по счастливому стечению обстоятельств служит диссертант. Тем отраднее констатировать тот факт, что исследователь сумел преодолеть соблазн ограничить круг изучаемых им источников доступными ему материалами РГАДА: он работал также с архивными собраниями Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки).

Упорство и добросовестность учёного дали весомый результат – диссертационное исследование, являющееся на настоящий момент наиболее фундаментальным трудом по истории Аптекарского приказа с акцентом на источниковедческий потенциал делопроизводства этого ведомства. В работе диссертант учёл труды своих предшественников, дав развернутую и обоснованную характеристику историографии истории Аптекарского приказа, оценив специфику и информативную ценность документации этого учреждения и существенно расширив представления современной науки не только об исследуемом учреждении, но и о государственной системе Московского царства XVII в. в целом. Сильной стороной диссертационного исследования К.С. Худина, на мой взгляд, является анализ взаимоотношений Аптекарского приказа с другими органами центральной власти, а также сделанные им важные уточнения служебных биографий служащих этого ведомства. Интересны и полезны для специалистов по архивному делу соображения диссертанта относительно судьбы

архива Аптекарского приказа после ликвидации приказной системы. Автор вернулся и к вопросу о времени возникновения Аптекарского приказа, обосновывая тезис о том, что произошло это не позднее начала 1580-х гг. Впрочем, вопрос о степени самостоятельности этого ведомства в системе дворцовых учреждений рубежа XVI–XVII вв., на мой взгляд, остается открытым: собранные Кириллом Станиславовичем факты никак не противоречат тезису, согласно которому в означенное время Аптекарский приказ был одним из «департаментов» приказа Большого дворца.

Ряд умозаключений, сделанных диссертантом на базе обнаруженных им упоминаний о деятельности Аптекарского приказа, нельзя признать верными. К их числу принадлежит, например, тезис о том, что выявленный им первый случай употребления термина «приказ» в отношении аптекарского ведомства (6 апреля 1615 г.) свидетельствует о некоей институционализации этой структуры как отдельного ведомства: «Мы можем уверенно говорить, что к этому времени Аптекарский приказ сложился как учреждение. В первую очередь, конечно, использование самого слова “приказ” свидетельствует об этом» (С. 60). Знакомство с делопроизводством приказов Московского государства XVI–XVII вв. заставляет относиться к выводам подобного образа с известной долей скепсиса. Впрочем, в заманчивые ловушки терминов попадали в своё время и маститые учёные, классики отечественной медиевистики. А.А. Зимин, например, тоже ошибочно полагал, что за употреблениями в приказном делопроизводстве понятий «изба» и «приказ» скрываются разные этапы эволюции приказных учреждений. Немало остроумных гипотез высказывалось исследователями и относительно глубокого административного смысла в «переименованиях» Пушечного приказа в Пушкарский или Панского в Иноземский. Поэтому вряд ли стоит видеть в употреблении термина «приказ» в отношении аптекарского ведомства маркер, обозначающий некое его административное обособление: напомним, что мы располагаем и упоминаниями Ловчего, Со-

кольничьего и даже Шатерничьего приказов, хотя самостоятельными административными структурами они никогда не были, представляя собой, скорее, лишь подразделения обширного дворцового ведомства.

В ряде случаев диссертант пытается усмотреть некую связь между событиями, лежащими друг от друга на расстоянии в несколько лет, видимо, отказываясь видеть в некоторых совпадениях просто совпадения. Чем-то иным сложно объяснить упоминание им о передаче на нужды Аптекарского приказа денег из Новой четверти (Кабацкого приказа) в 1623 г. с упоминанием о том, что одним из дьяков последнего был Александр Иванов. При этом диссертант отчего-то полагает, что «здесь уместно вспомнить» о том, что дьяк этот шестью годами ранее, в 1617 г., в бытность свою одним из руководителей приказа Сбора пятинных и запросных денег, «вероятно, уже выдавал жалованье в Аптекарский приказ» (С. 77). Но, во-первых, уверенности о том, что дьяк Иванов действительно выдавал жалование в Аптекарский приказ, у нас нет. Более того, скорее всего – жалования он не выдавал, эту рутинную работу наверняка выполнял кто-то из подьячих. А во-вторых, даже если такой факт и имел место в 1617 г., остаётся непонятным, почему диссертант считает «уместным вспомнить» об этом? Вряд ли исследователь предполагает, что деньги из Кабацкого приказа в Аптекарский велели передать на том основании, что кабацкий дьяк Александр Иванов уже имел бесценный и уникальный опыт передачи денег на жалование служащим аптекарского ведомства. Приведённые в диссертации примеры свидетельствуют лишь о том, что Аптекарский приказ, не имея собственных значимых источников финансирования, на протяжении длительного времени выступал в роли своеобразного «ведомства-реципиента», существуя за счёт денежных сборов «учреждений-доноров». К слову, это нисколько не умаляет значения Аптекарского приказа – в аналогичном положении десятилетиями находились и другие вполне солидные и самостоятельные приказы, например, Стрелецкий, Иноземский, Посольский и даже «становой хребет» приказной системы – Разрядный приказ.

Оппонент не видит парадокса в том, что, «количество отпусков *исходящих памятей* Аптекарского приказа в десятки раз превышает количество подлинных *входящих памятей* из других приказов». Диссертант предлагает объяснить такую ситуацию предполагаемым особенным менталитетом делопроизводителей Аптекарского приказа, которые «в первую очередь руководствовались тем, чтобы хранить документы именно своего ведомства и не придавали значения ценности подлинного документа как такового (С. 100). Не думаю, чтобы у нас были основания для того, чтобы приписывать приказным служащим отдельно взятого приказа столь волюнтаристическое отношение к документации. Готов предложить альтернативную версию: входящие памяти принимались в Аптекарском приказе к сведению, на их основании принимались те или иные административные решения, после чего необходимость в хранении входящего документа отпадала – в конце концов для получения справочной информации было гораздо проще снова обратиться в соседнее профильное ведомство, нежели тратить время и силы на поиски отписки в собственном приказном архиве.

Автор диссертации проделал огромную работу по выявлению документов, проливающих свет на историю Аптекарского приказа, что особенно ценно для периода, от которого собственное делопроизводство этого ведомства не сохранилось. Это – бесспорное достоинство исследования К.С. Худина, хотя, на мой взгляд, в структуре диссертации найденные им материалы занимают не совсем своё место. Думаю, большую часть объёма параграфа 4 первой главы диссертации можно было бы без ущерба для работы поместить в приложение к исследованию, поскольку в настоящем виде этот материал местами напоминает нагромождение разрозненных и логически очень слабо между собой связанных фактов. Их присутствие в тексте первой главы, очевидно, призвано продемонстрировать факт непрерывности работы Аптекарского приказа в десятилетия, от которых архив этого ведомства не сохранился. Между тем для обоснования этого тезиса такой объём информации избыточен: как явствует из историографического обзора, функционирование Аптекарского приказа с

1613 г. мало у кого вызывает сомнения, а с 1620-го – практически ни у кого. А потому сообщения о том, что в 1613 г. в Аптекарский приказ прислали сукно для обивки окон, в 1615 г. туда у персидского купца приобрели четверть пуда ревеня, а год спустя докторам выдавали жалование, выглядят отдельно стоящими деревьями, за которыми, к сожалению, не слишком виден лес. Имеющуюся совокупность фактов было бы, на мой взгляд, уместнее обобщить в главе, а их хронологическую последовательность можно было бы разместить в приложениях. В противном случае у любого специалиста, работающего с документами первой половины XVII в., будет возникать соблазн дополнить впечатляющий перечень фактов, обнаруженных Кириллом Станиславовичем, своими находками, например, памятью от 3 мая 1619 г. из Разрядного приказа кравчому М.М. Салтыкову о литовском новокрещене Василии Иванове, взятом для государева дела в Аптекарскую палату (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 4. Л. 505) или памятью из самого Аптекарского приказа от 25 августа 1643 г. о пожаловании лекаря Аптекарского приказа Самойла Кама, лечившего по государеву указу новгородца Ивана Колобова, поколотого ножом в Ямском приказе (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 37 (1641 г.). Л. 539). При том, что, разумеется, при всей любознательности этих фактов ничего нового к исследованию диссертанта они добавить не могут.

Местами автор увлекается изложением результатов своей плодотворной эвристической деятельности, выводящей его порой за рамки заявленной темы диссертационного исследования. В частности, Кирилл Станиславович упоминает два обнаруженных им дела 1641–1642 гг. из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (С. 90–91). Оба дела связаны с фортификационными земляными работами, развернувшимися в столице. Последние, в свою очередь, были инициированы угрозой военного конфликта с Крымским ханством и Османской империей на фоне «Азовского осадного сидения». Далее диссертант пускается в экскурс относительно истории приказа Городового дела, его связей с Разбойным приказом, и даже сообщает, что «Приказ с таким

же названием действовал при Иване IV». Последнее, впрочем, совершенно излишне, тем более что Городовой приказ времен Ивана Грозного не имел ни малейшего отношения к приказу Городового дела эпохи Михаила Фёдоровича: в XVI в. Городовым приказом периодически называли приказ Пушкарский. Но дело, собственно, не в этом. Для читателя остаётся загадкой, каким же образом упомянутые выше два дела из Отдела рукописей РНБ относятся к истории Аптекарского приказа? Возможно, кто-то из служащих приказа участвовал в строительстве земляного вала или откупался от этой повинности? Об этом, однако, в диссертации ничего не сказано, и читателю остаётся лишь строить конспирологические версии в связи с тем, что в приказах Городового дела и Разбойном служил дьяк Семён Кириллович Дохтуров, отец которого, как выясняется из примечания 487 внизу страницы, «был сыном врача Федора Алексеевича, происходившего из Константинополя». Загадка, как отец дьяка, пик карьеры которого пришёлся на царствование Михаила Федоровича, мог оказаться врачом царя Федора Алексеевича, впрочем, разрешается при обращении к справочнику С.Б. Веселовского: дохтур Кирилл на самом деле лечил не Фёдора Алексеевича, а жившего за век до него Фёдора Ивановича. Впрочем, разгадка этого «детектива» никак не приближает нас к ответу на вопрос о том, какое отношение документы приказа Городового дела имеют к истории Аптекарского приказа? Вряд ли дело в том, что в приказе Городового дела служил дьяком сын доктора?

Вообще, местами диссертация вызывает некоторое ощущение небрежности и поспешности (никоим образом не в плане несвоевременности выхода на защиту). Думается, если бы Кирилл Станиславович имел немного времени, чтобы дополнительно вычитать текст своей работы, он бы с лёгкостью снял большое количество досадных опечаток и недоразумений, в результате которых, например, известнейший гость Надея Светешников превратился в Ветешникова (С. 85).

Портят ли перечисленные выше недостатки общее впечатление от представленной к защите диссертации? Не стану кривить душой – они немного

«смазывают» положительный эффект. Разумеется, от исследования об Аптекарском приказе ждётся «аптекарской точности» и «стерильности» во всём. Определяют ли указанные несовершенства труда Кирилла Станиславовича суть представленной на рассмотрение диссертационной работы? Ни в коем случае не определяют, и мы имеем, думаю, все основания поздравить автора и историческую науку с появлением интересного и новаторского исследования, раскрывающего перед нами ещё одну страницу исторического прошлого нашей страны и отвечающего на целый ряд общеисторических и источниковедческих вопросов.

Представленное диссертационное исследование К.С. Худина «Документы Аптекарского приказа 1629–1672 гг. как исторический источник» отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения учёных степеней» ВАК РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Автор диссертации, безусловно, заслуживает присвоения ему искомой учёной степени.

(подпись)

Лисейцев Дмитрий Владимирович,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Центра истории русского феодализма
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института российской истории
Российской академии наук

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Тел.: 8(499)126-94-49

